Ци Сюаньсу искал уникальный вид нефрита — нефрит Сюань. Его контактное лицо дало ему специальный компас, что может определять нефрит Сюань, пока он находится рядом. Компас также позволял определять общее направление движения нефрита Сюань в определенном диапазоне.

Когда Ци Сюаньсу входил в предыдущие комнаты, компас вел себя как обычно. Но когда Ци Сюаньсу вошел в кабинет, компас внезапно что-то почувствовал и завибрировал.

Ци Сюаньсу достал из своей сумки компас.

Существовал тип магического сосуда, который мог содержать целую вселенную. Сосуд различался по внешнему виду, и скрытая в нем вселенная тоже менялась по размеру. Только даосские жрецы третьего ранга Юйи могли обладать такими сокровищами в даосских сектах.

Ци Сюаньсу, простой даосский жрец седьмого ранга, не обладал таким магическим сосудом. Поэтому он пользовался обычной сумкой и носил ее на ремне через плечо, чтобы не стеснять движений. Он повесил сумку прямо на пояс, чтобы ей было удобнее пользоваться.

Он держал компас одной рукой и видел, как быстро вращается стрелка компаса. Затем стрелка замедлилась и, наконец, указала на пресс-папье на столе.

Большинство людей использовали пресс-папье, чтобы прижимать бумагу при письме или рисовании. Обычно оно имело форму длинного бруска.

Пресс-папье Ли Хунвэня было обычным. Оно было сделано из камня, а не из нефрита или дерева, поэтому стоило недорого.

Ци Сюаньсу отложил компас, взял пресс-папье и медленно собрал немного ци из ладоней. На поверхности пресс-папье появилось множество трещин, а некоторые фрагменты отслоились, постепенно открывая зеленоватый оттенок внутри.

В камне был спрятан нефрит.

Ли Хунвэнь действительно спрятал нефрит Сюань в пресс-папье и положил его на свой стол, на видное место. Стражи Зеленого Феникса, должно быть, думали, что Ли Хунвэнь спрятал нефрит Сюань в секретном месте, и не думали, что нефрит спрятан у всех на виду.

Ци Сюаньсу удалил все осколки, открыв истинный вид нефрита Сюань. Он был в форме полумесяца и напоминал монеты-ножи древних времен. Нефрит был полупрозрачным и темно-зеленого цвета, с множеством тонких прожилок внутри, похожих на кровь.

Некоторое время Ци Сюаньсу возился с нефритом, но из-за недостатка опыта и знаний, не нашел в нем ничего необычного. Казалось нефрит Сюань ничем не отличался от обычного

нефрита. Ци Суаньсу положил нефрит обратно в свою сумку и покинул здание окружного правительства.

.....

Дождь продолжал лить как из ведра. Небольшая лодка, накрытая черным брезентом, дрейфовала по течению реки прямо у уезда Фэнтай.

В каюте сидел мужчина средних лет, одетый в роскошную одежду. У него была длинная борода, доходившая ему до груди, и копна черных волос, собранных в пучок нефритовой заколкой. Мужчина был необычайно красивым.

Фиолетовый дым поднимался из курительницы, стоявшей на маленьком столике перед ним. Мужчина вытянул руку, наблюдая как дым клубится вокруг его ладони. Его чистая фарфоровая кожа, казалось, светилась, когда он слегка вдыхал аромат амбры. Это было волшебное и странное зрелище.

Стоя на коленях на носу лодки, Ли Саньсинь выглядел несчастным под проливным дождем.

У Ли Саньсиня было две личности. Его первой личностью был младший майор гвардии Зеленого Феникса шестого ранга, а его второй личностью был ученик секты тайпинов в даосском ордене.

В рамках даосского ордена существовало три основные секты: секта Чжэнъи, секта Цюаньчжэнь и секта тайпинов.

Последователям секты Чжэнъи разрешалось есть мясо или рыбу и вступать в брак. Они также использовали свое настоящее имя вместо прозвища.

Последователи секты Цюаньчжэнь были самой консервативной сектой. Большинство из них были вегетарианцами, и большинству из них не разрешалось вступать в брак. Некоторые из них даже отказались от своих настоящих имен и использовали вместо них даосские прозвища. Однако некоторые из них все же сохранили свои настоящие имена.

Секта тайпинов не имела никаких табу и была наиболее близка к светскому миру.

Помимо общего двора предков, где был похоронен их основатель, у трех основных фракций даосского ордена была своя собственная священная земля. Особняк Дачжэнь был священным местом для секты Чжэнъи; Дворец бессмертия Чунъян был священным местом для секты Цюаньчжэнь; а Внутренний двор Чжэньцзин был священным местом для секты Тайпинов.

Внутренний двор Чжэньцзин располагался на острове Пэнлай в Дунхае, о нём Ли Саньсинь упоминал ранее во время своего поединка с Ци Сюаньсу.

Однако, независимо от того, к какой секте они принадлежали, все они были даосскими священниками, которые были разделены на девять рангов. Девятый ранг был самым низким и лишь ненамного превосходил по статусу обычных верующих-даосов. Даосский священник первого ранга же - являлся высшим должностным лицом, подчинявшимся только Великому магистру даосского ордена.

Ли Саньсинь был даосским священником седьмого ранга, наравне с Ци Сюаньсу.

Между тем, человеком в каюте лодки был одним из учителей Ли Саньсиня, Цзян Биюнь, даосский священник четвертого ранга.

Между даосским священником пятого и четвертого ранга существовал большой разрыв, почти такой же, как между министром и обычным чиновником.

Даосские священники с девятого по пятый ранг считались обычными учениками, которые еще не были готовы принять доктрины, переданные даосскими мастерами.

Даосских священников четвертого ранга также называли даосскими мастерами или магами. Эти даосские мастера были квалифицированы для того, чтобы принимать учеников и обучать доктринам даосизма. Также они были ответственны за возжигание благовоний в местных даосских храмах. А некоторые из них даже занимали важные посты в суде по делам предков в Западном Куньлуэ. Они обладали значительной властью.

Конечно, повышение до даосского мастера четвертого ранга также требовало соответствующей квалификации и ступени развития. Не имея большого опыта или заслуг, человек должен был достичь ступени развития в Гуйчжэне, чтобы стать даосским мастером четвертого ранга.

Другими словами, Цзян Биюнь был сянтянцем на стадии Гуйчжэнь. Он также был Очистителем Ци в Царстве Божественной Ци.

В это время лицо Цзян Биюня было мрачным, а глаза прищурены.

Согласно рассказу Ли Саньсиня об этой истории, другой ученик-даос устроил погром в правительственном учреждении уезда, убив Чжоу Фейлуна и сломав летающий меч Ли Саньсиня. Ли Саньсинь тоже чуть не расстался с жизнью.

Цзян Биюнь не слишком заботился о выживании Ли Саньсиня. Хотя последний также был последователем секты тайпинов, он не был важной или незаменимой фигурой. Ли Саньсиню некого было винить, кроме самого себя, в своей некомпетентности, если бы он погиб в округе Фэнтай.

Что привлекло внимание Цзян Биюня, так это личность этого таинственного ученика-даос.

С тех пор как даосский великий мастер в шестом поколении вознесся на небеса, должность Великого мастера оставалась вакантной. На первый взгляд, три заместителя Великого мастера обладали совместной властью, но на самом деле у каждого из них были свои планы. Если тот таинственный ученик, который сражался против Ли Саньсиня, принадлежал к одной из двух других основных фракций, то Цзян Биюню следовало бы задуматься над последствиями.

В этот раз мудрец из секты Тайпинов поручил Цзян Биюню организовать поиски нефрита Сюань. Однако Цзян Биюнь так и не осмелился высказать предположение о причине желания заполучить нефрит. Он лишь смутно догадывался, что это было связано с путем мудреца к просветлению. Поэтому они не могли организовать поиски нефрита открыто.

В связи с этим Цзян Биюнь подкупил подполковника гвардии Зеленого Феникса и поручил задание Ли Саньсиню.

Только сам Цзян Биюнь знал, что происходит на самом деле. Даже Ли Саньсинь оставалась в неведении.

Ли Саньсинь думал, что поиски нефрита Сюань были второстепенной задачей, а убийство Ли Хунвэня было настоящей миссией.

На самом деле все было совсем не так, как думал Ли Саньсинь. Поиски нефрита Сюань были главной миссией, а убийство Ли Хунвэня было всего лишь прикрытием.

Ранее Ли Саньсинь рассматривал Чжоу Фейлуна как брошенную пешку, но для Цзян Биюня Ли Саньсинь также был шахматной фигурой, которой можно было пожертвовать в любой момент. В конце концов, Ли Саньсинь и Чжоу Фейлун не так уж сильно отличались друг от друга.

У Цзян Биюня были свои причины не рассказывать Ли Саньсиню об истинной миссии.

Ситуация усложнилась с тех пор, как нефрит Сюань попал в руки даосского ученика из другой фракции.

Цзян Биюнь покровительствовал Ли Саньсиню. Но у учеников из двух других основных фракций, скорее всего, тоже существовали свои покровители. Некоторые из этих покровителей могли быть даже старыми знакомыми Цзян Биюня.

Подумав об этом, Цзян Биюнь, который все еще находился в каюте, крикнул:

— Входите.

Ли Саньсинь, который некоторое время простоял под дождем, вытер лицо, вошел в хижину и почтительно поприветствовал Цзян Биюня.

Цзян Биюнь убрал свою красивую ладонь и спросил Ли Саньсиня:

— Что еще ты обнаружил?

Ли Саньсинь тихо ответил:

— Учитель, по словам моих братьев, отправившихся в Гостиницу, чтобы разобраться в ситуации, этот таинственный ученик однажды раскрыл свою личность нашему информатору. Он сказал...”

Увидев нерешительность на лице Ли Саньсиня, Цзян Биюнь поднял веки и строгим голосом спросил:

— В чем дело? Давай, рассказывай.

Затем Ли Саньсинь продолжил:

— Он сказал, что мудрец Дунхуа передает свои наилучшие пожелания главнокомандующему.

Выражение лица Цзян Биюня изменилось.

— Мудрец Дунхуа...

— Да, господин, — почтительно ответил Ли Саньсинь.

Теперь, когда речь шла о Мудреце, даже Цзян Биюнь, даосский мастер четвертого ранга, не осмелился бы действовать опрометчиво.

Мудрец был просто еще одним титулом для даосского священника второго ранга, также известного как даосский мастер Тайи. В даосском ордене было 36 Мудрецов с трансцендентным статусом, и Мудрец Дунхуа был одним из немногих высших членов среди них.

Если в это дело был вовлечен тайский даосский мастер второго ранга, то такой даосский мастер четвертого ранга, как Цзян Биюнь, не имел сил вмешаться. Таким образом, Цзян Биюнь на мгновение задумался, прежде чем заговорить с Ли Саньсинем.

— Я отправлю мудрецу Дунхуа письмо, в котором подробно опишу текущую ситуацию и попрошу его проконтролировать всё. Что касается этого таинственного ученика, не делай ничего без моего разрешения, что могло быть встревожить его. Если он действительно близкий соратник или ученик мудреца Дунхуа, у нас будут неприятности, если мы убьем его.

Ли Саньсинь почтительно согласился, медленно вышел из каюты и прыгнул с лодки. Однако Ли Саньсинь не провалился на глубину, а стоял на воде. Он направился к берегу под проливным дождем, наступая на накатывающие волны.

После ухода Ли Саньсинь, в каюте рядом с Цзян Биюнем появилась еще одна красивая женщина. Она была его ученицей, а также наложницей-горничной. Этот грязный факт не был известен посторонним.

Женщина опустилась на колени рядом с Цзян Биюнем. Она взяла лопатку для благовоний с длинной ручкой и соскребла несколько граммов амбры с кусочка амбры в курильнице.

Кабину снова заполнил дым.

Цзян Биюнь сидел, скрестив ноги и положив ладони на колени. Его лицо было окутано густым дымом, из-за чего было трудно разглядеть выражение его лица.

Он вдохнул благовония, что значительно уменьшило количество дыма, и сказал равнодушно:

— Так случилось, что округ Фэнтай находится на территории нашей секты. Возьми мои знаки отличия и приглашение встретиться с местным мастером даосизма Цзицзю. А затем попроси его разобраться в ситуации. Выясни, есть ли какие-нибудь недавние сведения о том, что ученики секты Цюаньчжэнь посещали этот район.

Женщина, воскуривавшая благовония, ответила нежным голосом, который трогал сердце каждого мужчины. В сочетании с привлекательной фигурой в расцвете молодости она являла собой неотразимую женщину. Обычно Цзян Биюня возбуждали какие-нибудь беспорядочные мысли, но в данный момент его внимание было сосредоточено только на Мудреце Дунхуа.

Мудрец Дунхуа был достойным мастером тайского даосизма второго ранга, который занимал официальную должность при Дворе предков и руководил региональными даосскими храмами. Он был настолько влиятельным — что мало кто бы посмел необдуманно спровоцировать его.

Цзян Биюнь поразмыслил и решил понаблюдать за ситуацией. Он начнет действовать только тогда, когда ситуация станет более очевидной. Он хотел избежать ошибок больше, чем получить вознаграждение. Иногда отсутствие ошибок — также одна из форм заслуг.